

ках быстроты Девгения образ сокола заменил имевшиеся в греческом тексте сравнения с молнией и орлом.

Дважды встречается сравнение Девгения с соколом и в боевых эпизодах в битве с войском Стратига («яко дюжей сокол удари посреде их»), в единоборстве с царем Василием («скочи через реку, яко дюжи сокол»). При этом следует отметить, что в картинах сражений греческие тексты поэм о подвигах Дигениса совсем не дают сравнений: прославление героя достигается чаще всего другим приемом — подчеркиванием многочисленности, опытности вооруженного врага, с которым дерзает сражаться отважный юноша.¹²

Средневековая битва осмыслялась как тяжкий труд и в славянской поэзии сопоставлялась с трудом земледельца. Отсюда общеславянские образы битвы-сеяния, битвы-жатвы, известные как в русских исторических песнях, так и в «Слове о полку Игореве». Вероятно, именно эта славянская традиция образности определила сравнение битвы Девгения против многочисленного вражеского войска с трудом умелого косца или жнеца: он так сражается, «яко же добры косец траву положи», он бьется так, «яко добры жнец траву сечет».

Стремясь возвеличить подвиги Девгения, русский переводчик подчеркивал множество пленных, взятых им во время битвы с войсками Стратига: перебив половину воинов, Девгений вторую половину «перевязал, яко пастух овец перед собою погна».

Последняя картина прямо противоречит греческому тексту поэмы, где говорилось: «Дигенис так жестоко бился с воинами Стратига, что, прежде чем вернулся Стратиг, ни одного [из них] не осталось [в живых]» — πρὶν ἔλθειν τὸν στρατηγὸν οὐδὲ εἰς ὑπλείφθη — Гр. Ф., IV, 1724).

Разные воззрения на плен русского переводчика и греческого автора ясно выступают в этом эпизоде.

Не имеют также греческих параллелей метафоры, с помощью которых в русском тексте рисуется образная картина пробуждения отваги и воинской силы в 12—14-летнем отроке. Перед тем как он стал просить отца и родных отпустить его «на ловы», «преславный Девгений 12 лето мечем и граша, а на 13 лето копием».

В Эскуриальском списке (стих 743) эпизод отроческой охоты Девгения начинается прямо с просьб его к отцу. В Гроттаферратском списке (IV, 70—72) глухо говорится, что отрок стремился к конским ристаниям и охоте (ἵππηλάσια καὶ κυνηγεῖν). Лишь рукопись, найденная на о. Андросе, содержит указания, что мальчик Дигенис любил охоту и стрельбу из лука (ἀγάπησε κυνήγια καὶ τόξα, καὶ κυνηγᾷ, καὶ πολεμᾷ, καὶ τρέχῃ τότε πάντα — А., IV, 1388—1389).

Давая вольный перевод греческого текста, русский книжник с помощью метафоры оттенял богатырство отрока Девгения, почувствовавшего в себе пробуждение воинской силы.

Характерна для поэтики русской воинской повести и вторая метафора текста «Девгениева деяния» — синоним гибели, смерти: «голову свою положить». Эта метафора имеет лишь весьма отдаленную связь с сообщением греческих поэм о том, что все женихи дочери были обезглавлены или ослеплены Стратигом: ἐκράτησε πάντας, τοὺς μὲν ἀπεκεφάλισεν, τοὺς δὲ

¹² Ἐξονοπράγμα εἰδείκνυτο τοῖς ἐκείσει παροῦσι καὶ ἐν βραγεῖ ἀπέκτεινε στρατιώτας ἀπείρους καθωπλισμένους ἵππικούς, πολέμου γυμνασμένους, οἷς συμβουλευεῖν ἤρξατο στραφῆναι εἰς τὰ ὀπίσω καὶ μὴ πείραν τῆς αὐτοῦ μεταλαβεῖν ἀνδρείας (Гр. Ф., I V. 1716—1721).